

КАСЬЯНОВ ДЕНЬ

Он сдержал слово — умер, как и сказал сыну, весной следующего года

Дом Голейзовских стоял в самом конце Вершины, как называется та часть села Бёхова, что подходит к самому лесу. Стоило пере-сесть узкую полоску скошенного поля, как мы оказались в березо-вой роще.

— Пойдемте по опушке, — ска-зал Касьян Ярославич, — лучших грибных мест не найти. Может быть, и мне повезет...

Сюда, в Бёхово, я ехал, понятно, вовсе не за грибами. Уже давно мой друг Леонид Жданов, солист балета Большого театра, обещал познакомить меня с Голейзовским. Разные обстоятельства вы-нуждали раз от разу переносить встречу. И вот летом 1967 года мы все сошлись в Бёхово, где Касьян Ярославич проводил лето, и до-говорились отправиться поутру в лес — там, мол, разговор получится более доверительным.

Тогда, тридцать лет назад, уже и официальные инстанции призна-ли то, что для знатоков и раньше не было загадкой: Голейзовский — один из столпов современного балета. Встрепенулась и пресса, зачастила к Касьяну Ярославичу, и, мне кажется, этот запоздалый интерес довольно-таки досаждал ему. Он, конечно, не подавал вида и терпеливо отвечал на журнали-стские вопросы, однако не всегда можно было понять, где он гово-рит правду, а где — мистифициру-ет, импровизируя на заданную тему. К счастью, я был о том пре-дупрежден. И все-таки оплошал. В редакции напутствовали: рас-спроси о творческих планах, какие новые постановки можно ждать в ближайшее время. Голейзовский ответил что-то дежурное, бодрен-кое, чем довольно-таки меня оза-дачил. Семьдесят пять лет — воз-раст, да и был он уже тяжело бо-лен. Видимо, он почувствовал мое сомнение и тут же вернул:

— Мой родитель прожил 104 года и, наверное, пожил бы еще, когда бы не случил. Однажды он кинулся догонять отходивший от оста-новки трамвай, догнал, вскочил на подножку, но его столкнули. Отец сорвался на полном ходу, ударил-ся головой о мостовую, и все...

Я не совсем уяснил, куда он клони-т. Возможно, хотел проверить, как я отнесусь к этой байке. Хоро-шо, что я уже был насыпан еще о двух вариантах отцовства. Прав-да, Никита Касьянович, сын Голей-зовского, сказал мне недавно, что и остальные варианты — довольно туманные истории. Версия о сто-четырехлетнем старике была при-думана — как считают родственни-ки — специально для журналистов. Вторая, более вероятная: он — сын Ярослава Матвеевича Гладика, оперного певца, чеха по националь-ности. В семье сохранилась одна-единственная фотография, где Гладик запечатлен в сценичес-ком костюме рядом с Еленой Дмитриевной, матерью Касьяна, довольно известной в те времена балериной. По какой-то причине Гладика не нравилась собственная фамилия, и в качестве сценичес-кого псевдонима он взял фамилию управляющего своим имением — Голейзовский. Елена Дмитриевна, урожденная Дашкова, из известно-го рода Дашковых, имела еще два-три сценических псевдонима: Го-лейзовская — один из них. Почему она дала эту фамилию сыну — по-нять трудно. Сам Касьян Яросла-вич, рассказывая сыну Никите о своей родословной, утверждал, что Гладик умер за год до его, Ка-сьяна, рождения, и отцом быть не мог. Истинным же отцом был князь Радзивилл, страстно влюб-ленный в Елену Дмитриевну. Он уехал из России еще до револю-ции, она же следовать за ним от-казалась. Были у этой версии кос-венные подтверждения, и, как это ни покажется странным, я вычислил их совершенно случайно.

Я спросил: — Касьян Ярославич, каким обра-зом вы, москвич, оказались в пе-тербургском балетном училище? — Начинать-то я в Москве. Но моя матушка, сама балерина, решила, что обучение этой профессии в Петербурге поставлено лучше. Там, в Марининке, танцевал свет русского балета тех времен. Так что, кроме учебы, постигать профессию можно было, наблю-дая исполнение великих масте-ров. Тогда на петербургской сце-не царил Матильда Кшесинская. Вместе со мной учились Вацлав Нижинский и дядя нашей буду-щей звезды Галины Улановой. — Вы общались с Матильдой Кшесинской. Что она была за че-ловек?

— Кшесинская... Будучи примой Императорского театра, она по-кровительствовала нашему учили-щу. При ее связях со Двором это было не так уж и сложно, но нам,

подросткам, она запомнилась сво-им отношением к нам. Понимае-те, она была на двадцать лет стар-ше меня, на восемнадцать — Вац-лава. Из разговоров взрослых мы знали о ее близких отношениях с царем Николаем в бытность его наследником престола, о том, как завязался их роман, развивался, чем кончился. Мне кажется, Ма-тильда Феликсовна была глубоко несчастным человеком. Слава, по-клонение — это прекрасно, но у нее не было семейного везения. Сужу по ее отношению к нам, детям.

Довольно часто Кшесинская при-глашала нас к себе в гости в тот самый особняк, о котором Мая-ковский сказал, что он был подар-ен ей за «дрыгоножество», и в котором в начале 1917 года раз-местились ЦК и Петербургский комитет большевиков. Кшесинская приходила к нам с коробками шоколадных конфет и тортами, которые приносили ей поклонники, угощала нас. Но мне запомнилась не столько эта вкус-нятина, сколько то, как смотрела она на наше пиршество: это были глаза доброй матери, и о наших успехах она расспрашивала чис-то по-матерински. Понимаете? Касьян Ярославич рассказывал о Кшесинской с такой добротой, будто впрямь был ее сыном. Странная штука жизнь. При всех перипетиях, выпавших на ее долю, Кшесинская пережила чае-вничавших у нее мальчиков: Ка-сьяна Голейзовского — на год и на двадцать один — Вацлава Нижин-ского, всего год не дотянув до сво-его столетнего юбилея.

— Так что, — продолжал Касьян Ярославич, — я благодарен своей матушке за то, что она отправила меня тогда в Петербург. Там я уз-нал и получил нечто большее, чем просто профессию. Она была му-рым и практичным человеком, хотя родовые корни, окружение не располагали к тому. Среди ее дру-зей были Врубель, Мамонтов, из-вестные художники, писатели, об-щественные деятели, в родне — по-томки Дашковых, композитора Глинки. Предполагаю, что она была человеком, неприспособлен-ным к жизни. Когда после балет-ного училища я стал артистом Большого театра, она неожиданно сообщила мне: «Отец оставил тебе деньги. Бери и отправляйся путе-шествовать. Домой вернешься, когда истратишь все до копейки. На жизнь нужно зарабатывать соб-ственным трудом, не полагаясь на чужую помощь. А если выпали шальные деньги — их надо побы-стрее истратить».

И я отправился за кордон. В Пер-сии побывал, в Европе, насмот-релся знаменитых театров, музе-ев, картинных галерей. Впечатле-ний хватало на всю жизнь. — Не боялись потерять место в Большом? — Я его и не потерял, проработал

гично ложилась на музыку, не противоречила ей. А салат — это композиция из разных продуктов; надо лишь, чтобы вкус каждого как-то дополнял и подчеркивал вкус другого. Меня, между прочим, с малых лет тянуло сотво-рять из частей нечто целое...

Трудно было понять, всерьез Го-лейзовский улавливал сходство между салатом и балетом или это была очередная импровизация старого выдумщика. Единствен-ное, в чем я был уверен, — так это в его рано проявившейся тяге со-бирать из частей целое. Ведь ба-летной режиссурой он увлекся, когда сам танцевал в Большом театре, при этом смело использо-вал в своих постановках новатор-ские приемы, заимствованные из гимнастики и акробатики. Но вернемся к отцу из рода Радзи-виллов. История с ним получила

режиссурой. «Я этому мальчишке уши надеру!» И это сказал новатор в музыке, который должен был по-нимать поиск других! Правда, увидев постановку Голейзовско-го, Скрябин признался, что она-ему понравилась, и они стали дру-зьями. Через полвека Касьян Ярославич поставил «Скрябиниа-ну», что стало возвращением в молодость, к музыке любимого композитора. — И все-таки я не совсем пони-маю, Касьян Ярославич, почему советская власть, объявлявшая на всех углах, будто борется за но-вое революционное искусство, очень последовательно подавляла то, что предлагали вы. — Видите ли, поначалу все скла-дывалось прекрасно. Сразу после революции я работал при му-зыкальной секции Моссовета. В 1920 году стал руководителем

которая словно иллюстрировала его многочисленные сказки о жителях лесов, болот, рек и ому-тов. Сказки Голейзовский придумы-вал сам, хотя по непонятной при-чине часто отдавал авторство сво-ему другу, потомственному бёхов-скому каменотесу Михаилу Федо-ровичу Куржумову. Род Куржумо-вых славился тем, что ископан веком мастерила каменные кресты, которые ставили на могилах на бёховском погосте. Возможно, Касьян Ярославич считал, что приписанные Михаилу Куржумо-ву его собственные сказки будут выглядеть более народными. Но кто ответит теперь на этот воп-рос, когда нет в живых ни Миха-ила Федоровича, ни самого Го-лейзовского? Дома Вера Петровна, жена Голей-зовского, встретила мужа мягким упреком: — Что же вы так долго гуляли? Ты забыл про укол? Только тут мы с Леонидом Жда-новым вспомнили о диабете, ин-сулиновой зависимости Голейзо-вского, о том, что нам, молодым лбам, надо было быть более вни-мательными к человеку, годивше-му нам в отцы, а, может, даже деды. Но уж очень похож он был на одного из героев своих же ска-зок — невысокий, сухонкий, не-много согбенный, настоящий ле-совичок. А такие, как известно, не знают усталости. И мы себя про-стали. Ну не нарочно же мы столько бродили по местной лес-ной красоте. Касьяна Ярославича не стало че-рез три года. Ровно за год до кон-чины он сообщил сыну: — Будущей весной умру... — Что ты говоришь! — возмутил-ся Никита.

— Я это точно знаю, — продол-жал Голейзовский. — У меня к тебе секретная просьба: пожалуйста, любимым способом похорони меня не на кладбище, а на участке око-ло дома. — Как же я это сделаю? Ведь на-верняка проститься с тобой при-едет весь Большой театр! — Это уж твоя забота. Догово-рись с бёховскими мужиками, и ночью перетащи меня сюда. Он сдержал слово — умер в нача-ле мая будущего года. Никита Ка-сьянович теперь мается, что вы-полнить просьбу отца ему не уда-лось, и теперь она у него на сове-сти. А может, это и к лучшему. С бёховского кладбища открывает-ся такой вид на Оку и окрестные дали! К тому же его никто не тро-нет. А Вершину уже подумывали снести, чтоб построить на этом месте какой-то дом отдыха. Толь-ко, говорят, с деньгами сейчас трудно.

Еще раз Елена Дмитриевна удивила сына, когда посоветовала ему освоить профессию более надежную, чем балет, — пойти учеником повара в «Славянский базар». Потом он гордился, что придумал собственный салат «А ля Касьян», и даже сравнивал его с балетной композицией

там до самого 1918 года. А путе-шествия... Их невозможно оце-нить никакими деньгами. Еще раз Елена Дмитриевна удиви-ла сына, когда посоветовала осво-ить профессию более надежную, чем балет. Танцы, мол, дело хоро-шее, однако неплохо бы получить специальность, которую во все времена, и присоветовала пойти учеником повара в ресторан «Сла-вянский базар». Он послушал доб-рого совета. Я не сумел скрыть удивления, когда Голейзовский с гордостью сообщил: — Вы не поверите, но у меня все складывалось очень удачно. В «Славянском базаре» были отлич-ные повара, и я, понятно, мог толь-ко помогать им, перенимать неко-торые поварские секреты и тонко-сти. Чем горжусь — придумал свой собственный салат, который очень любили захаживавшие к нам куп-цы. В меню он так и назывался: салат «А ля Касьян».

— Касьян Ярославич, я понимаю, можно перенять какое-то блюдо у признанного повара, а изобре-тать самому... Уж больно далеко от вайшей основной профессии. — Строго говоря, не так уж и да-леко. В чем суть ремесла балет-мейстера? В умении из элементов танца создать законченные сцен-ки, цельный спектакль; при этом надо, чтобы вся постановка ло-

Московского камерного балета. Потом начал ставить в Большом театре. Меня поддерживал Луна-чарский, нарком просвещения того времени. Он даже дал мне квартиру на Новинском бульваре — в одном из домов, что раньше принадлежали знаменитому адво-кату Плевако. Рядом находилась студия Мейерхольда и Таирова, с которыми я дружил. Моими го-стями были писатели, поэты, ху-дожники той поры. Как-то у меня даже прожил недолго Сергей Есе-нин. Но к концу двадцатых рабо-тать становилось все труднее и труднее... — Но почему? — Меня стали обвинять в форм-алистических поисках, непоня-тым народом, в том, что мое пред-ставление об искусстве иное, чем у большевистской партии. Не обошлось без сигналов «наверх» моих коллег. В нашей среде при-нято писать доносы. В конце кон-цов из Большого меня убрали. К сожалению, Голейзовский ока-зался не одинок. В конечном ито-ге новаторов у нас давили всегда. Камерный театр, основанный Та-йровым еще до революции, а в 1920-м удостоившийся звания академического, был закрыт в год смерти своего создателя. С Мей-ерхольдом обошлись еще круче: сначала закрыли его прославлен-

ный театр, а два года спустя до смерти забрили на допросах само-го режиссера. Если сравнивать с судьбой Мейерхольда, Касьяну Ярославичу повезло больше. Он продолжал работать в мюзик-хол-ле, в пирке, в ведомственных ан-самблях. Однако после Большо-го театра, как мне кажется, это было все-таки снижением уров-ня. В Большой он вернулся толь-ко на излете жизни. Какой же волей надо было обла-дать, чтобы даже в этих условиях не останавливаться в поисках. Еще до революции Голейзовский придумал так называемые «по-точные движения»: когда масса людей выполняла одно и то же движение, но не разом, а переда-вая по цепочке. Таким манером можно было изобразить бег вол-ны, распускающийся букет цве-тов, бьющий фонтан. Это перете-кание движения было испытано Голейзовским сначала в поста-новках мюзик-холла, а позже во время физкультурных парадов. В 1933 году «поточные движения» были показаны в одном из филь-мов Протазанова. Эффектную выдумку перехватили и использо-вали в своих празднествах амери-канцы и немцы. Когда ныне во время спортивных событий зри-тели на трибунах изображают прокатывающуюся живую волну, я вспоминаю придумавшего ее Голейзовского.

Время близилось к полудню. Наша общая со Ждановым кор-зина была доверху полна отбор-ными грибами. Небольшой рюк-зачок Голейзовского топорщился сухими сушками и корешками, которые он придирчиво отрубал у павших деревьев. Пора было двинуть к дому, однако Касьян Ярославич явно что-то искал и никак не мог найти, раз от разу возвращаясь к частому, всего в рост человека, ельничку. — Нашел!!! — наконец услышали мы его победно-радостный крик. Под пушистой елочкой на истлев-шей хвое лежал череп лося. Зверь был убит года два-три назад, так что белоснежные, начисто обгло-данные лесной мелкотой кости кое-где уже подернула зеленова-тая плесень. Огромные зубищи, торчавшие из челюстей, казалось, принадлежали не мирному соха-тому, а свирепому хищнику. Я вспомнил, что уже видел подоб-ные в многочисленных мордах всякой лесной нечисти, которые украшали дом Голейзовских — всех этих Кикимор, Леших, Во-дяных. С помощью столярного клея и гвоздей Касьян Ярославич собирал воедино всякие корешки и сушочки, зубы и косточки, ос-колки цветного стекла, замазывал стыки пластилином — и получа-лась выразительная композиция,

Леонид ПЛЕШАКОВ

